

ЯГА
2

ФАБЕРЖЕ
ВОВАНА
ПОХИЩЕНО!

ЯЗЫК
ЦВЕТОВ

ТАМОЖНЯ

Х
ЗУБЫ
ДРАКОНА

КАК ЯГА НА МОРЯ ЛЕТАЛА

Лана Эмбер
СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА НА МОРЯ ЛЕТАЛА

«Автор»

2026

ЭМБЕР Л.

КАК ЯГА НА МОРЯ ЛЕТАЛА / Л. ЭМБЕР — «Автор», 2026

Вторая книга из серии Яга/ сказки для взрослых Яга отправляется в путь за моря — но вместо отдыха находит заговоры, чужие правила и мир, где её «нет» по-прежнему пытаются не слышать. Новые страны, старые враги, неожиданные союзники и вопросы, на которые не существует простых ответов. Сможет ли Яга остаться собой, когда от её выбора зависит больше, чем просто её собственная жизнь?

© ЭМБЕР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Багаж	9
Глава 2. Джиннаи	13
Глава 3. Галерея	18
Глава 4. Навсегда	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ЛАНА ЭМБЕР КАК ЯГА НА МОРЯ ЛЕТАЛА

Пролог

Пролог

Яга поняла, что жизнь окончательно вернулась в нормальное русло, когда Избушка третий день подряд никуда не собиралась. Это был хороший признак. Последние месяцы она то вставала среди ночи и переступала с ноги на ногу, то поворачивалась окнами к дороге, то вдруг принималась приглаживать ставни, будто ждала гостей. После всей истории с «Трындером» у неё развилась нездоровая тяга к мужскому присутствию во дворе. Особенно если оно приезжало на чём-нибудь дорогом. Теперь отпустило.

Избушка стояла спокойно, грела на солнце старые брёвна и время от времени осторожно переставляла левую куриную ногу, чтобы не задеть маленькую яблоню у крыльца. Яблоня прижилась. Яга поначалу не была в этом уверена. Когда старик-лесовик подарил ей тонкий прутик с четырьмя листьями и объявил, что это подарок, она из вежливости промолчала. Избушка отнеслась к подарку серьёзнее: выбрала место, утоптала землю вокруг и с тех пор следила за деревцем с той тревожной ответственностью, которая обычно свойственна наседкам и молодым матерям.

Утро было тихое. Настолько тихое, что Яга даже остановилась посреди двора и прислушалась. Никто не ехал свататься. Никто не присылал цветов. Никто не предлагал вечную молодость, половину царства, выгодное слияние активов или переезд туда, где «женщина вообще ни о чём думать не должна». Даже сороки молчали. Яга поставила ведро возле колодца и с удовольствием выдохнула. Хорошо.

В доме на столе лежал свежий номер «Трындера». Когда-то эта газета начиналась как брачная. Потом Кикимора обнаружила, что объявления «продам козу» читают чаще, чем «познакомлюсь с женщиной для серьёзных отношений», и проявила деловую гибкость. Теперь в «Трындере» продавали коз, меняли болотные участки, искали пропавших леших, предлагали

привороты с гарантией и без, публиковали рецепты, жалобы, некрологи, гороскопы и один чрезвычайно популярный раздел «Мужики», в котором мужики почему-то почти не участвовали. На последней странице всё ещё оставалась рубрика знакомств. Яга туда не заглядывала. Из принципа. Или из опыта.

Она налила себе чаю, села у окна и раскрыла газету на объявлениях. «ПРОДАМ самопрялку. Почти новая. Один хозяин. Иногда прядёт сама. Торг». Яга задумчиво отпила. Ниже кто-то менял русалочий гребень на моток медной проволоки, а ещё ниже Леший из соседнего леса требовал считать недействительным объявление о его женитьбе, поскольку «был пьян, подпись не моя, а кикиморину лапу вообще прошу убрать из документа». Яга усмехнулась.

Телефон на подоконнике звякнул. Она покосилась: сообщение от Кощея. *Ты у меня случайно ничего не оставляла?* Яга подумала и ответила: *Кроме лучших лет? Нет.* Ответ пришёл почти сразу: *Мы не встречались.* Яга улыбнулась и набрала: *Семнадцать лет.* Три точки появились, исчезли, появились снова. Потом Кошей прислал одно слово: *Началось.*

— Сам начал, — сообщила Яга телефону.

Телефон не возразил. Где-то далеко Кошей, вероятно, сидел на своём Буяне среди сундуков, охраны, документов на собственность и вещей, которые нормальному бессмертному вообще не нужны, но Кошеей почему-то были необходимы. Яга перевернула страницу. На развороте красовался КолобЭк. Он стоял перед чем-то огромным, стеклянным и очень дорогим, широко разводя руки. Подпись сообщала, что после возвращения в ПанамЭрику господин КолобЭк совершил историческое, беспрецедентное и величайшее за последние триста лет открытие чего-то, что до него уже существовало. Яга читать дальше не стала.

— Живой, — сказала она.

Избушка за окном фыркнула ставней.

— И слава богам, — добавила Яга.

Она уже собиралась закрыть газету, когда взгляд зацепился за маленькую заметку внизу страницы: «ДЖИН ИБН-ХАТТАБ НАДСТРАИВАЕТ БАШНЮ ЕЩЁ НА ДЕСЯТЬ ЭТАЖЕЙ». Под заметкой стояла фотография: белая одежда, тёмные очки, аккуратная борода и выражение человека, которому никогда в жизни не приходилось спрашивать цену. Яга сложила газету.

— Даже не думай, — сказала она самой себе.

Избушка снова фыркнула.

— Я и не думаю.

Яга допила чай. Ей действительно не хотелось никого искать, и это оказалось неожиданно приятным состоянием, в котором не было ни гордого одиночества, ни обиды на мужчин, ни торжественного решения «жить для себя». Просто не хотелось. Если мужчина однажды появится — там видно будет. А специально выискивать его по лесам, болотам, объявлениям, рекомендациям и международным связям Яга больше не собиралась. Хватит. За последние месяцы она увидела больше потенциальных мужей, чем иная женщина за всю жизнь, и выяснила главное: потенциальный муж — существо утомительное ещё до того, как становится настоящим.

Снаружи послышался топот. Яга подняла глаза. Через минуту дверь распахнулась без стука, и в избу вошла Кикимора с большой плетёной корзиной. Первым делом она оглядела углы, убедилась, что Тихона нет, и только после этого облегчённо поставила корзину на стол. Под полотенцем обнаружили три бутылки домашнего кваса, копчёная рыба и банка солёных грибов.

— Рыбу Горыныч передал, — сказала Кикимора. — Сам коптил.

Из всех кандидатов Горыныч оказался единственным, кто после отказа не обиделся, не исчез и не стал присылать юристов, а просто начал заглядывать по-соседски. Теперь он был из

тех друзей, с которыми не нужно ничего выяснять: прилетал, чинил дымоход, ел, что дадут, и улетал.

Во дворе уже слышались голоса.

— Мы ненадолго, — сообщила Кикимора тем тоном, каким обычно сообщают, что остаются до утра.

Через несколько минут дом наполнился привычным шумом. Царевна Лягушка принесла пирог. Царевна Лебедь — сыр и два кувшина чего-то, про что сразу предупредила, что пить это надо медленно. Кто-то притащил мёд, кто-то ягоды. Избушка, убедившись, что мужчин среди прибывших нет, успокоилась и открыла ставни пошире.

— А Тихон где? — спросила Лебедь, устраиваясь у стола.

— За яблоками поехал, — сказала Яга. — За молодильными.

Лягушка перестала резать пирог. Кикимора медленно повернула голову к Яге.

— Ты его послала за молодильными яблоками?

— Я сказала, что неплохо бы достать. Он утром собрался и ушёл искать.

Кикимора закрыла глаза.

— Я иногда завидую твоей способности отдавать распоряжения людям, которые воспринимают речь буквально.

— Я не распоряжалась.

— Это ещё хуже.

— А тебе-то они зачем? — спросила Лягушка и тут же, под Ягиным взглядом, очень внимательно занялась пирогом.

Лебедь потянулась за сыром.

— Может, Тихон себе.

За столом повисла пауза.

— Что? Мужчина тоже не вечный.

— Тихон вообще-то моложе меня, — сказала Яга.

— Тем более. Ему обиднее.

На этом тема молодильных яблок закончилась, потому что Кикимора достала первый кувшин.

В это же утро, далеко от Ягиного леса, Тихон стоял на развилке трёх дорог и рассматривал указатель. На указателе было написано:

НАЛЕВО — К ЦАРСТВУ; НАПРАВО — К ТРИДЕВЯТОМУ; ПРЯМО — НЕ НАДО

Тихон подумал и пошёл прямо. Через полчаса ему встретился мужик с телегой.

— Куда путь держишь?

— Молодильные яблоки ищу.

Мужик присвистнул.

— Кому понадобились?

— Яге.

Мужик оглянулся на дорогу, по которой Тихон пришёл, будто прикидывая, далеко ли отсюда до Яги.

— А-а.

Тихон кивнул и пошёл дальше. Мужик ещё некоторое время смотрел ему вслед, потом перекрестился и тронул лошадь.

К вечеру на Ягином столе появились журналы. Никто не смог потом точно вспомнить, кто их принёс. Один назывался «Жизнь после ста», второй — «Куда уехать, пока всё не надоело», третий обещал двадцать семь способов наполниться женской энергией без регистрации. Яга листала последний с выражением всё возрастающего недоверия.

— Тут написано, мне нужен ретрит.

— Тебе нужен отпуск, — сказала Кикимора. — На ретрите ты платишь, чтобы тебе не давали есть, а в отпуске — чтобы давали.

— Отпуск, — согласилась Яга.

Кикимора забрала журнал и раскрыла другой.

— Море.

— Море я видела.

— Какое?

Яга задумалась.

— Мокрое.

— Нет. Тебе надо другое море.

— Сухое?

— Тёплое.

Лягушка уже листала страницы с курортами.

— Вот. Песок. Пальмы. Солнце.

— Людей много.

— Зато никто тебя не знает.

Яга медленно отставила чашку. Все за столом одновременно замолчали. Потом Лебедь осторожно сказала:

— Ну... теоретически.

Яга откинулась на спинку стула. За окном медленно темнело. Избушка переступила ногой, снова обходя яблоню. В комнате пахло пирогом, грибами и дымом из печи. На столе лежали открытые журналы с белым песком, прозрачной водой, пальмами и женщинами, которые почему-то всегда лежали на берегу в одинаковой позе и ни разу не выглядели так, будто им в купальник попал песок. Яга взяла один журнал, полистала. Потом ещё один. Там были горы, дальше — море, потом какой-то город, весь из стекла, потом острова. Она вдруг поймала себя на простой мысли: ей хотелось всё это увидеть. Никого там не искать, ничего про себя не выяснять — просто посмотреть.

— А чего, — сказала Яга. — Можно и слетать.

Кикимора медленно подняла голову.

— Куда?

Яга обвела рукой раскрытые журналы.

— Не знаю.

И почему-то именно это ей понравилось больше всего.

Глава 1. Багаж

К полудню следующего дня Яга поняла, что главная опасность путешествий — не разбойники, не дальняя дорога и даже не незнакомые земли. Главная опасность — рассказать бабцам, что собираешься в отпуск. Во дворе лежало всё, без чего, по их мнению, взрослая женщина не могла покинуть родной лес даже на несколько дней. Вещи прибывали с утра и постепенно захватили пространство от крыльца до поленницы. Среди них были два сундука, три корзины, узлы с одеждой, свёрнутый коврик, пледы, запасная обувь и шляпная коробка такого размера, будто внутри собирались перевозить саму шляпницу.

Ступа стояла посреди этого хозяйства, пока ещё свободная. Яга — рядом с ней, пока ещё спокойная. Кикимора руководила погрузкой. Именно руководила: сама она почти ничего не носила, зато обладала редким талантом смотреть на чужую работу так, что человек начинал делать её быстрее. Первый сундук удалось уложить поперёк ступы. Второй уже не поместился. Его развернули вдоль, после чего внутри не осталось места для Яги. Это никого, кроме самой Яги, особенно не встревожило. Она молча сняла сундук и открыла его. Сверху лежали три платья, под ними ещё одно — белое, тонкое и настолько прозрачное, что сквозь него прекрасно просматривалась поленница. Лебедь объяснила, что это для моря. Яга подняла платье перед собой, ещё раз посмотрела сквозь него на дрова и поинтересовалась:

— Я купаться собираюсь или замуж?

— Одно другому не мешает.

На этом вопрос одежды Яга закрыла и просто начала вынимать вещи. Четыре платья превратились в два, три пары обуви — в одну запасную. Плед она оставила: ночами в воздухе бывало холодно. Коврик отправился обратно на крыльцо, шляпная коробка последовала за ним, даже не будучи открытой. Лебедь наблюдала за этим с болью человека, на глазах которого гибнет культура, но вмешиваться не стала.

Лягушка занималась аптечкой. В её представлении путешественника подстерегало всё сразу: ожоги, простуда, укусы, отравление, растяжение, бессонница, расстройство желудка и некое безымянное состояние, против которого предназначалась маленькая банка с бурой мазью. Что было в банке, Лягушка не помнила. Яга понюхала содержимое, закрыла крышку и решила оставить: средство, пережившее утрату собственного назначения, заслуживало хотя бы шанса.

Среди лекарств обнаружили три бутылки самогона. Они предназначались для растирания, и Яга не стала выяснять, почему для этой цели требовалось именно три. Две выставила на стол, но, пока разбиралась с бинтами, одна незаметно вернулась в корзину. Яга заметила и решила, что борьба должна иметь разумные пределы. Кикимора отвечала за еду, и вот тут возникла настоящая проблема. Она исходила из совершенно разумной мысли, что человек должен есть, однако дальше мысль развивалась самостоятельно и к полудню достигла размеров продовольственного обоза. В корзинах лежали хлеб, яйца, копчёная рыба, сыр, пироги, соленья, сало, сушёные грибы и круглый каравай, назначение которого в одиночном путешествии Яга понять не смогла. Кикимора напонила, что неизвестно, куда именно Яга полетит и сколько займёт дорога. Довод был справедливый, поэтому Яга оставила еды на три дня. Кикимора, когда она отвернулась, добавила ещё на два.

В конце концов всё необходимое было погружено, и ступа исчезла. Над её краями возвышались корзины и свёртки, сзади был привязан плед, сбоку висела аптечка, а поверх сундука каким-то образом снова оказалась шляпная коробка. Яга без комментариев сняла её и поставила на землю. Лебедь вздохнула, но на этот раз признала поражение. Оставалось проверить, способна ли вся конструкция летать. Яга устроилась между корзиной с едой и сундуком, нашла ногой место для упора и привычно хлопнула ладонью по борту. Ступа не шелохнулась. После второго хлопка дерево под ней натужно скрипнуло; ступа приподнялась над землёй примерно на ладонь, несколько мучительных мгновений дрожала в воздухе и тяжело опустилась обратно. С верхней корзины свалился каравай. Он неторопливо прокатился через весь двор и остановился у ног Кикиморы. Двор проводил его молчанием. Кикимора подняла каравай и молча отнесла в дом.

После этого разгрузка пошла значительно быстрее. Исчезли лишние свёртки, половина еды и вещи, необходимость которых ещё пять минут назад казалась бабцам бесспорной. Через полчаса Яга снова устроилась в ступе. Теперь та легко оторвалась от земли, сделала круг над двором и мягко опустилась возле крыльца; в её деревянном скрипе Яге даже послышалось некоторое злорадство. Теперь можно было лететь. Куда именно — по-прежнему оставалось неизвестным, но за ночь это почему-то перестало казаться недостатком. Можно было подняться над лесом и решить потом: повернуть туда, где теплее, обогнуть дождь, остановиться, если снизу покажется что-нибудь интересное. После нескольких месяцев, когда вокруг её личной жизни существовали списки, кандидаты, мнения, советы и даже целая газета, возможность не иметь плана оказалась неожиданно приятной.

Яга не стала делиться этим открытием с бабцами. Они немедленно превратили бы отсутствие маршрута в маршрут по отсутствию маршрута, назначили ответственных и нашли для него подходящую обувь. Она проверила ремни на сундуке, подтянула один узел и уже собиралась занести оставшиеся вещи в дом, когда над лесом появился тяжёлый ровный рокот.

Сначала он был едва слышен, потом быстро приблизился. Птицы сорвались с деревьев почти одновременно, Избушка повернулась к лесу всем корпусом, а Кикимора застыла с корзиной в руках. Яга выпрямилась. Этот звук она знала. Между верхушками сосен показалась птица Джина — белый, большой, блестящий вертолёт, совершенно неуместный над старым лесом.

Машина прошла над поляной, развернулась и пошла на снижение. Через несколько секунд спокойный двор перестал существовать: трава легла под воздушным потоком, с крыльца

сорвало полотенце, следом улетел платок Лебеди. Кикимора обеими руками вцепилась в корзину, Лягушка успела прижать юбку, но не поймала пучок сушёных трав, и зверобой разлетелся по двору мелкими жёлтыми клочьями.

Яга придерживала ступу за край и смотрела, как вертолёт садится на поляне. Когда винты начали замедляться, лес ещё некоторое время шумел вокруг него, словно возмущался произошедшим.

Дверь открылась, и наружу вышел мужчина в тёмном костюме. Следом двое мужчин вынесли цветы.

Яга сначала увидела розы. Их было столько, что лица носильщиков почти терялись за алыми головками. Корзину они держали каждый за свою ручку и двигались осторожно: весила она, судя по напряжённым рукам, совсем не как обычная плетёнка. Только когда корзину поставили на землю, солнце скользнуло по переплетённым прутьям, и те вспыхнули густым жёлтым блеском. Мужчина в костюме подошёл к Яге, назвал себя посланником Джина ибн-Хаттаба и протянул конверт.

Яга приняла его. Она уже успела забыть, насколько масштабно Джин умел делать вещи, которые другие люди делали просто. Другой мужчина прислал бы цветы. Джин прислал цветы, для доставки которых понадобились вертолёт и трое мужчин. Она вскрыла конверт. Письмо оказалось коротким. Джин напоминал, что будет рад видеть её у себя, и приглашал приехать тогда, когда ей захочется. Ни уговоров, ни красивых обещаний, ни попытки вернуться к тому разговору, который между ними уже однажды состоялся. Внизу от руки была добавлена одна строка:

Море у меня тоже есть.

Яга усмехнулась. Самоуверенности у него с прошлого раза не убавилось.

Пока она перечитывала письмо, Кикимора подошла к корзине, провела ногтем по краю, потом наклонилась и совершенно серьёзно прикусила один из прутьев. Мужчина в костюме заметил, но по лицу ничего не показал. Кикимора выпрямилась.

— Золото.

Этого хватило, чтобы к корзине подошли все. Яга тоже наклонилась ближе. Теперь стало видно, что это действительно не краска и не позолота: тяжёлое тёплое плетение было сделано из настоящего металла. Кто-то сплёл из чистого золота корзину — для роз. Ей следовало бы счесть это глупостью, и в каком-то смысле так оно и было. Никакой цветок не становился лучше от того, что стоял в золоте. Но вещь была красивая: розы пахли на весь двор, а красное на золоте выглядело так, будто человек, который это придумал, совершенно не признавал слова «достаточно». И Яге это понравилось — не настолько, чтобы признаться вслух, но достаточно, чтобы ещё раз взглянуть на письмо.

Море у меня тоже есть.

Посланник ждал ответа. За спиной Яги бабцы необычайно старательно молчали. Никто не советовал и не подталкивал; Кикимора даже нашла себе занятие и теперь изучала крепление ручки к корзине. От этого молчания их мнение становилось только заметнее.

Ещё вчера Яга собиралась просто куда-нибудь улететь. Никакого направления у неё не было, а теперь одно само опустилось посреди двора, подняв пыль и разбросав по лесу половину Лягушкиного зверобоя, и Яга не нашла ни одной причины его не взять. Она сложила письмо и передала посланнику ответ: приглашение принимает. Тот поклонился и сообщил, что вертолёт готов доставить её немедленно. Для вещей места достаточно, а ступу при необходимости можно отправить отдельно.

Ступа стояла в двух шагах от вертолёта — старая, потёртая, местами почерневшая от времени и после утренней борьбы с багажом особенно скромная. Зато была её.

— Спасибо. Я сама.

Посланник перевёл взгляд на ступу. На мгновение в его лице появилось сомнение, но исчезло так быстро, что Яга могла бы решить, будто ей показалось. Он снова поклонился. Когда вертолёт поднялся, двор второй раз пережил небольшой ураган, только теперь все были готовы: Лягушка держала травы, Лебедь — юбку, Кикимора — золотую корзину.

Яга проводила белую машину взглядом и повернулась к ступе. Лебедь как раз заботливо поправляла свёрнутый в ней плед, хотя тот и без того лежал ровно. Заметив Ягин взгляд, она отошла и уставилась в сторону леса с таким интересом, будто впервые увидела берёзу. Яга ещё раз проверила ремни. Всё было на месте, ничего лишнего. Она теперь знала куда летит.

Глава 2. Джиннаи

К вечеру лес закончился. Яга заметила это не сразу. Сначала под ступой стало меньше деревьев, потом между ними проступила сухая светлая земля, а ещё через час зелень окончательно отступила и внизу потянулось пространство такого цвета, будто кто-то растёр золото в пыль и рассыпал до самого горизонта. Воздух изменился тоже. Даже наверху он был тёплым, сухим и пах иначе — камнем, солнцем и чем-то пряным, чего Яга определить не смогла. Она летела уже несколько часов и впервые за всё это время никуда не торопилась. Можно было опуститься ниже, рассмотреть дорогу, снова набрать высоту, остановиться возле воды. Никто не ждал отчёта, не спрашивал, когда она вернётся, и не пытался выяснить, правильно ли она проводит отпуск.

Перед самым закатом впереди появился город. Сначала Яга решила, что это мираж. Из песка поднимались стеклянные башни, и заходящее солнце дробилось в них на сотни огненных полос. Между зданиями зеленели деревья. По широким дорогам двигались машины, далеко внизу блестела вода, а за городом лежало море — огромное, синее и настоящее. Яга невольно выпрямилась в ступе. Вот это ей понравилось. Не открытка, не чужой рассказ и не картинка в газете, а живой город среди земли, где, казалось, вообще ничего не должно было расти. Он сверкал так, словно не собирался извиняться за собственное богатство, и в этот первый момент Яга не увидела в этом ничего дурного.

Башню Джина искать не пришлось: она была выше остальных. Яга подняла голову, запрокинула ещё выше и наконец прищурилась — верхние этажи уходили в облако. Газета, стало быть, не врал. Если надстройка на десять этажей уже закончилась, Джин решил вопрос высоты

самым прямым способом — добавил ещё. На восемьдесят седьмом этаже её ждали. Позже Яга так и не поняла, каким образом они узнали, что она подлетает. Возможно, у Джина были люди, следившие за небом. Возможно, сама ступа на фоне стеклянных башен представляла собой событие, которое трудно пропустить.

На открытой площадке стояли двое мужчин в белом. Один поднял руку, показывая, куда садиться. Яга посадила ступу точно между двумя нарисованными линиями, и мужчина посмотрел на неё с уважением. Это тоже понравилось. Из дверей вышел Джин. Он почти не изменился с их последней встречи: высокий, спокойный, безупречно одетый, с аккуратной чёрной бородой и тем выражением лица, которое бывает у мужчин, давно привыкших к тому, что пространство освобождается перед ними само. Только очков сейчас не было. Он остановился перед Ягой и улыбнулся.

— Прилетела.

— Как видишь.

Джин смерил ступу взглядом.

— Я предлагал вертолёт.

— Я помню.

Улыбка у него стала чуть шире, и на этом они оставили тему транспорта. Он не стал спрашивать, зачем женщина несколько часов летела через полмира в деревянной ступе, если могла сидеть в мягком кресле. Яга не стала объяснять. Джин протянул ей руку, и она приняла.

Внутри башни было прохладно. После сухого жара снаружи прохлада ложилась на кожу почти как вода. Под ногами блестел светлый камень, по стенам текли тонкие струи настоящей воды, и откуда-то сверху падал мягкий золотистый свет. Здесь вообще было много золота, но пока оно не казалось показным. Оно появлялось на ручках дверей, тонкими линиями проходило по камню, светилось в узорах на стенах и собирало солнечные блики.

Яга поймала себя на том, что рассматривает всё с удовольствием. Джин это заметил, но ничего не сказал, и за это получил ещё одно очко. Её комнаты занимали угол этажа. За стеклом с одной стороны лежал город, с другой — море. Между ними не было ни стены, ни рамы, только прозрачный угол и огромное пространство за ним.

Яга подошла к стеклу. Отсюда город казался почти невозможным. Внизу уже зажигались огни, дороги складывались в светящиеся линии, а дальше темнело море. Солнце опускалось прямо в него, растекаясь по воде медью. Несколько минут Яга просто смотрела. Вот ради этого стоило лететь. На кровати лежала одежда. Яга сначала решила, что вещи приготовили для неё, потом увидела собственный узел рядом и поняла: нет, это подарок. Тонкая длинная туника, лёгкие штаны, мягкие туфли — всё светлое, прохладное на ощупь и, судя по ткани, стоявшее больше, чем половина её избы. Яга провела пальцами по рукаву. Красиво. Но переодеваться не стала: после дороги хотелось сначала умыться и разобрать вещи.

С этим и обнаружилась первая выходка Лебеде. Яга развязала узел, вынула рубаху, расчёску, запасную юбку, добралась до пледа и увидела под ним белую ткань. Несколько секунд она смотрела на неё, не понимая, откуда та взялась, потом вытянула. То самое прозрачное платье. Яга вспомнила Лебедь, которая перед отлётом зачем-то поправляла совершенно ровно лежащий плед, и рассмеялась. Вот ведь зараза.

Платье она всё-таки примерила — чисто из любопытства. Оно оказалось удивительно удобным и на теле выглядело гораздо приличнее, чем на фоне поленницы. Белая ткань свободно двигалась при каждом шаге, а загорелые руки и плечи делали ткань ещё светлее. Яга повернулась перед зеркалом боком. Лебедь была бы невыносима, если бы узнала, поэтому платье решено было оставить. В нём Яга и вышла к ужину.

Джин ждал на открытой террасе. Он стоял возле стола и что-то негромко говорил слуге, но, увидев Ягу, на мгновение замолчал посреди фразы. Пауза была такой короткой, что другой человек мог бы её и не заметить. Яга заметила и осталась вполне довольна. Всё-таки Лебедь

иногда знала, что делала. Джин закончил распоряжение, отпустил слугу и подошёл к ней с обычной спокойной улыбкой.

— Красиво.

Яга провела ладонью по белой ткани.

— Не говори Лебеди.

Он не спросил, кто такая Лебедь, и не стал осыпать Ягу комплиментами. Только отодвинул для неё кресло. Но, когда она проходила мимо, его взгляд снова задержался на ней — чуть дольше, чем требовалось.

Яга слишком хорошо знала мужские взгляды, чтобы не почувствовать разницу. В этом не было ни обычной жадности, ни откровенного желания. Джин смотрел спокойно и сосредоточенно, словно хотел запомнить её именно такой. Впрочем, мысль промелькнула и ушла. Женщина для того иногда и надевает красивое платье, чтобы мужчина хотя бы ненадолго забыл, что собирался сказать.

Стол стоял почти у самого края, за прозрачным ограждением начинался вечерний город. Воздух уже остыл, но сохранил дневное тепло, и море внизу пахло солью. На столе было много всего, однако впервые за день Яга не почувствовала желания подсчитать излишества. Еда оказалась прекрасной. Джин тоже. Во всяком случае, пока. Он не спрашивал о кандидатах, не напоминал, что когда-то сам входил в их число, и не интересовался, передумала ли Яга. Рассказывал о городе, спрашивал о дороге, смеялся там, где действительно было смешно, и ни разу не попытался превратить ужин в продолжение старого разговора. Это обезоруживало сильнее ухаживаний.

После еды они долго сидели на террасе. Где-то далеко внизу двигались машины, море почти исчезло в темноте, а облако время от времени проходило ниже верхних этажей башни. Яга смотрела на облако сверху, и ей нравилось. К ночи Джин проводил её до комнат и пожелал спокойного сна — без попытки войти следом. Вот это понравилось особенно.

Утром Яга проснулась от солнца. Оно било прямо из моря, и вся комната была залита тёплым светом. Несколько секунд она лежала, не понимая, где находится, потом увидела за стеклом город и вспомнила: отпуск. Слово наконец начало приобретать смысл. В ванной обна-

ружилось столько приспособлений, что половину Яга предпочла не трогать. Вода шла откуда угодно и любой температуры, зеркало не запотевало, полотенце оказалось тёплым, а возле умывальника стояли флаконы с надписями, которые Яга читать не стала.

Туалет выглядел почти скромно. Это было ошибочное впечатление. Когда Яга закончила свои дела и поднялась, где-то внутри устройства тихо зажужжало. Она остановилась. Жужжание продолжалось, потом сбоку открылась маленькая золотая дверца, и на подставку выехал крошечный предмет. Яга наклонилась. Предмет был золотой. Туалет держался так, будто ничего не произошло. Рядом загорелась надпись на понятном ей языке:

НА ПАМЯТЬ О ПЕРВОМ УТРЕ

Яга некоторое время стояла неподвижно, потом взяла сувенир двумя пальцами. Что именно он изображал, выяснять не хотелось. За завтраком она положила его возле тарелки Джина. Джин даже не удивился.

— Подарок дома.

— Я догадалась.

— Каждому гостю.

Яга продержалась ещё секунду и всё-таки рассмеялась. Он тоже.

На этом история могла бы закончиться как одна из тех местных странностей, которые потом рассказывают бабцам за столом. Более того, к концу завтрака Яга уже почти решила, что именно так её и запомнит. Джин предложил показать город. Они спустились вниз, и день прошёл легко. Яга увидела море с земли, рынки, где пахло специями и кофе, огромные сады среди песка, старые кварталы, сохранившиеся между стеклянными башнями. Джин не водил её только по дорогим местам; он знал свой город и явно любил его, а это Яга всегда уважала. К вечеру она устала приятно, всем телом.

За ужином Джин спросил, куда она собирается дальше. Яга пожала плечами. Она ещё не решила. Возможно, утром полетит вдоль моря, а там посмотрит.

Джин немного помолчал.

— Останься ещё на день.

В просьбе не было ничего странного. Ей действительно некуда было спешить. Дома всё оставалось в порядке, впереди не существовало никакого маршрута, который можно было сорвать опозданием, а город она толком ещё не увидела. Она согласилась.

На следующее утро выяснилось, что ступу убрали с посадочной площадки. Яга заметила это за завтраком: площадка хорошо просматривалась через стекло, а пустое место между двумя белыми линиями бросилось в глаза сразу. Джин спокойно объяснил, что ночью обещали редкий для этих мест дождь и дерево могло пострадать. Ступу перенесли в закрытый гараж этажом ниже, где ей будет сухо и безопасно. Забота была разумной, и Яга даже поблагодарила. После завтрака она решила всё-таки заглянуть в гараж — не потому, что беспокоилась, просто ступа не любила, когда её трогали чужие. Гараж оказался огромным и прохладным. В нём стояли машины, несколько мотоциклов и что-то низкое серебристое, назначение чего Яга определить не смогла.

Ступу она увидела в дальнем конце. Та стояла под навесом, действительно сухая и целая. Яга подошла ближе. На борту не было ни царапины. Рядом аккуратно сложили её вещи, даже метлу прислонили так, чтобы не падала. Всё было сделано бережно. Только через край ступы была пропущена толстая золотая цепь, и другой её конец уходил к кольцу в стене. Яга остановилась. Цепь была красивой — тяжёлой, отполированной, с широкими звеньями и наверняка очень дорогой. Она коснулась одного из звеньев. Холодное.

— Чтобы не украли, — сказал за спиной Джин.

Яга обернулась. Он стоял у входа в гараж и выглядел совершенно спокойно.

Здесь, наверное, действительно воровали. В городе было полно приезжих, а ступа одна такая. Джин охранял вещь госты и, как всё остальное, делал это средствами, которые соответствовали его представлению о нормальном. Яга ещё раз провела пальцем по звену.

— Ключ у кого?

— У охраны.

Ответ был обычный. И всё-таки впервые с момента прилёта золото показалось ей холодным.

В это же время Тихон стоял возле яблони. Яблоня была большая, старая и очень убедительная. Под ветвями лежали краснобокие яблоки, пахло мокрой травой, а хозяин сада терпеливо ждал, пока незнакомый мужчина закончит осмотр. Тихон сорвал одно яблоко, повертел в руке и спросил:

— Молодильные?

— Антоновка.

— Жаль.

Хозяин некоторое время смотрел, как он застёгивает куртку.

— А кому молодильные-то нужны?

— Яге.

Тихон поправил ремень сумки, сверился с потрёпанной бумажкой, на которой было записано ещё три места, и пошёл к дороге.

Глава 3. Галерея

Утром Яга попросила вернуть ступу. Просьба была самой обычной. Она прожила у Джина несколько прекрасных дней, увидела город, погуляла по набережной, посмотрела на море, попробовала столько незнакомой еды, что половину названий уже перепутала, и теперь собиралась лететь дальше. Именно так она и представляла себе путешествие: приехала, посмотрела, пожила, захотела другого — двинулась дальше. Джин отложил чашку.

— Зачем?

Вопрос прозвучал без недовольства. Он действительно не понял. Яга сначала даже решила, что ослышалась.

— Лететь.

— Куда?

— Пока не знаю.

Джин улыбнулся, словно услышал что-то забавное, но не стал спорить. Он предложил сначала позавтракать, а со ступой разобраться после. Яга согласилась: спорить на голодный желудок она не любила, тем более что никакого спора пока вроде бы и не было.

За завтраком разговор ушёл в другую сторону. Джин рассказывал о новом районе у моря, Яга слушала вполуха и смотрела из окна на город. С этой высоты особенно хорошо было видно искусственный берег, уходивший далеко в воду огромной пальмой. На её ветвях стояли дома, между ними белели причалы, а по узкому стволу тянулась дорога к матерiku. Вчера с земли Яга не поняла масштаба и теперь долго разглядывала эту невозможную геометрию — сушу, которой даже в море придали нужную форму. Джин проследил за её взглядом.

— Не всё ещё видела.

— Всё и не увижу.

— Почему?

Яга повернулась к нему.

— Потому что тогда придётся здесь жить.

Он улыбнулся, но ответил не сразу.

— А это плохо?

Яга тоже улыбнулась и вернулась к кофе. Вот теперь вопрос был понятен.

После завтрака она снова напомнила о ступе. Джин предложил машину: водитель отвезёт куда угодно. Потом вертолёт — если хочется посмотреть побережье сверху. Если Яге наскучил город, можно перебраться в дом у моря или на несколько дней уехать в пустыню. Вариантов у него было много, и каждый решал какую-нибудь возможную проблему Яги, кроме той, которую она назвала. Она выслушала и сказала, что ей нужна ступа. На этот раз Джин посмотрел на неё внимательнее.

— Тебе здесь чего-то не хватает?

— Мне всего хватает. Поэтому и пора.

Он некоторое время молчал, словно в этой фразе была ошибка, которую он пока не нашёл.

— Хорошо. После обеда.

Это было уже не совсем то, чего она просила, но несколько часов ничего не меняли. Яга решила не устраивать войну из-за времени и отправилась гулять по башне. Большую её часть она до сих пор не видела. Нижние этажи занимали офисы и помещения, куда Яга не собиралась соваться. Выше были сады, бассейны, комнаты для гостей, залы с книгами и всякие места, назначение которых становилось понятно только после долгих объяснений. Джин присоединился к ней позже и повёл туда, где, по его словам, хранилось то, что он особенно ценил.

Галерея начиналась за высокими дверями. Внутри было тихо и прохладно. Свет падал сверху сквозь матовое стекло и ложился на стены мягкими полосами. Картины висели далеко друг от друга, между ними стояли скульптуры, старинная мебель, оружие, украшения под стеклом. Здесь не было ощущения магазина дорогих вещей: каждому предмету оставили достаточно пространства, чтобы его можно было рассмотреть. Яга задержалась у старого кинжала, потом у ковра, вытканного такой тонкой нитью, что рисунок менялся, стоило отойти на несколько шагов. Джин знал историю почти каждой вещи и рассказывал хорошо — без длинных лекций, только то, что действительно было интересно. Потом начались женщины.

Первая стояла возле окна, и Яга сначала приняла её за живую. Женщина была высокой, темноволосой, в длинном платье старого покроя. Одна рука лежала на груди, другая придерживала ткань у бедра. Даже складки на платье казались мягкими; только ровный золотой цвет выдавал материал. Яга подошла ближе. Работа была невероятной. Мастер сохранил тонкие линии вокруг глаз, отдельные пряди волос, ногти, ресницы и едва заметную складку возле губ. Казалось, женщина сейчас вдохнёт.

— Хороша, — признала Яга.

— Очень.

В голосе Джина прозвучала такая простая теплота, что Яга обернулась. Джин смотрел на статую.

Дальше стояла ещё одна, совсем другая: короткие волосы, открытые плечи, тонкие руки, лицо почти девичье. Потом женщина в тяжёлом платье с высоким воротом, женщина в широких штанах и с украшениями на щиколотках, женщина с длинной косой, переброшенной через плечо. Менялись одежда, лица, позы, даже золото казалось разным в зависимости от света. Яга перестала считать после седьмой.

— Один мастер?

— Нет. В разные времена.

Это объясняло одежду.

Она подошла к следующей фигуре. Та сидела на низкой скамье, чуть повернув голову, будто кто-то только что позвал её по имени. На губах осталась едва заметная улыбка. У Яги возникло неприятное ощущение, которое она пока не могла назвать: слишком хорошо. Скульптор мог сделать красивое лицо, мог поймать движение, скопировать руки, одежду, волосы. Но здесь было что-то другое — мелкие различия, которые обычно замечаешь только у живого человека. Одна бровь чуть выше другой, след старого шрама возле подбородка, неровный ноготь на мизинце.

— С кого делали?

Джин назвал имя, незнакомое.

— Жила здесь?

— Да.

Яга задержалась у статуи ещё немного.

— Красивая.

— Была необыкновенная женщина.

Он уже пошёл дальше, к следующей фигуре, и Яга двинулась за ним. Джин рассказывал о женщине, которая прекрасно пела и терпеть не могла драгоценности. Потом о другой, умевшей ездить верхом лучше любого мужчины в его конюшнях. Истории были короткими, почти тёплыми, и прошедшее время звучало в них естественно. Люди стареют, уезжают, умирают; галереи как раз и существуют затем, чтобы хранить то, чего больше нет. Яга слушала, рассматривая работу мастеров. У одной женщины на пальце было кольцо, у другой — тонкая цепочка на шее. Третья стояла босиком, и на золотой пятке сохранилась маленькая трещинка кожи. Слишком много ненужной правды для скульптуры.

У дальних дверей их ждали две служанки с водой и фруктами. Джин задержался у одной из статуй, а Яга взяла стакан и отошла к окну. Служанки за её спиной тихо переставляли поднос; одна из них, видимо, всё ещё смотрела в сторону сидящей женщины.

— Она как Амира, — сказала она почти шёпотом. — Жалко.

— Тише.

Несколько секунд слышно было только лёгкое звяканье стекла.

— Неплохая вроде.

— Они почти все были неплохие.

Яга не сразу обернулась. Слова были произнесены без тайны и без намерения напугать. Так могли обсуждать прежнюю хозяйскую собаку, уехавшую соседку, знакомую, которая давно не появлялась. Вторая служанка поправила стаканы, первая взяла кувшин, и обе продолжили работу, не подозревая, что их услышали. Только теперь Яга обернулась туда, где сидела золотая Амира. Была?

Слово вернулось уже другим. Джин стоял возле следующей женщины и ждал Ягу. За его спиной уходил в глубину зал — золотые лица, золотые руки, складки платьев, волосы, кольца, босые ноги. У каждой сохранилось что-нибудь своё, случайное и ненужное мастеру: шрам, неровный ноготь, чуть приподнятая бровь, трещинка на пятке.

Яга поставила нетронутый стакан на поднос и подошла к Джину. Он продолжил экскурсию так же спокойно, как прежде. Рассказывал, откуда привезён старинный ларец, показывал чашу, найденную при раскопках, остановился возле картины, которой особенно гордился. Яга слушала, задавала вопросы и даже один раз рассмеялась там, где от неё этого ждали. Спрашивать про женщин она не стала. Ей вдруг гораздо сильнее захотелось увидеть свою ступу. До обеда оставалось ещё больше часа, но ждать назначенного Джином времени Яга передумала. У выхода из галереи она сказала, что хочет немного отдохнуть, вернулась к лифтам и вместо своих комнат спустилась на этаж гаража. Двери открылись в знакомый прохладный коридор.

В прошлый раз здесь никого не было. Сегодня возле входа в гараж стоял человек в белом. Он приветливо поклонился Яге.

Она сказала, что пришла за ступой. Мужчина снова поклонился и попросил подождать господина ибн-Хаттаба.

— Ключ у тебя?

— Нет, госпожа.

— У кого?

— У охраны.

Он и был охраной. Мужчина выдержал её взгляд совершенно спокойно, словно никакого противоречия здесь не существовало. Тогда Яга подошла к двери и положила ладонь на панель. В прошлый раз та открылась перед ней сама. Сегодня ничего не произошло. Она попробовала ещё раз. За стеклом в конце коридора сиял город. Далеко внизу суша правильной пальмой уходила в море, по дорогам двигались машины, на воде белели лодки. Всё было таким же красивым, как утром.

— Господин ибн-Хаттаб просил передать, что после обеда всё устроит, — мягко сказал охранник.

Яга убрала руку от двери.

Глава 4. Навсегда

Яга вернулась наверх. Охранник не пошёл следом, не попытался её задержать и даже не спросил, куда она направляется. В этом было что-то особенно неприятное. Человека, который собирается сбежать, обычно караулят. Ей же позволяли свободно ходить по башне, словно никто здесь не допускал самой возможности, что она действительно сможет уйти.

В своих комнатах Яга первым делом проверила, что у неё осталось. Расчёска, мешочек с травами и кошель лежали там, где она их оставила. Белое платье Лебеди висело на спинке кресла. Всё остальное находилось в гараже — вместе со ступой и метлой. Яга подошла к окну. С восьмьдесят седьмого этажа море казалось совсем близким. Стоило смотреть достаточно долго, и возникало глупое ощущение, будто до него можно просто дойти. Внизу раскинулся город, за ним уходила в воду огромная пальма, а дальше до самого горизонта не было ничего, что могло бы остановить человека. Кроме высоты.

Яга отошла от стекла. До обеда она больше ничего предпринимать не стала. Джин обещал решить вопрос после обеда, и ей хотелось дать ему возможность выполнить обещание. Верить ему она уже не верила, но после обеда всё по крайней мере стало бы окончательно ясно. За ней пришли около двух. На этот раз Джин ждал в небольшом зале рядом с террасой. Стол был накрыт на троих, и третья гостья уже сидела там. Яга видела её впервые. Молодая женщина с густыми тёмными волосами смеялась над чем-то, что говорил Джин, и крутила в пальцах тонкий золотой браслет. Рядом стоял небольшой чемодан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.